

**Актуальная семантика глаголов «желания»
в современном немецком языке**

Цель данной статьи – проанализировать аспекты и ракурс современного интереса лингвистов к проблеме оптативности, а внутри нее – к средствам выражения желательности и статусу, а точнее типологии, оптативных предложений. Прагматический фон такого интереса заключается в выявлении коммуникативной направленности оптативных предложений, опирающейся на их специфическое модальное значение.

Системные исследования по теории оптативности проводились профессором Е.В. Алтабаевой [1] и привлекали внимание к проблемам категориального устройства языка. Однако прежде всего желательность осуществления действия подпадает под направление когнитивных исследований, выражающихся в выявлении концепта оптативности (в свете теории концепта В.И. Карасика), обусловленном, естественно, теми или иными особенностями языковой картины мира (в свете исследований А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева). Это объясняется тем фактом, что ведущими в современном языкознании определяются антропоцентрическое и системно-функциональное направления, что, в свою очередь, активизирует интерес к проблемам языка, культуры и межкультурной коммуникации.

Морфологические и компонентные формы репрезентантов оптативности в разных языках могут быть разными. Вопрос: будет ли эквивалентно совпадать в разных языках связанный с ними определенный модус (задуманный или реальный) желательности в осуществлении деятельности.

И, наконец, сфера / сферы применения средств оптативности или желательной модальности должны обнаружить аспекты столкновения значения желательности осуществления действия, выражаемого в личном опыте, с содержанием общественно значимого объема модуса желательности. Здесь речь идет, прежде всего, об идиостиле автора художественного произведения на фоне специфического дискурса, с разработанными релевантными нормами модального значения конструкций с оптативной семантикой в других функциональных сферах.

Антропоцентрическая парадигма выделяет в концепте «желание» ментально-волевую природу, в основе которой лежат мыслительные процессы. Его структурными составляющими являются глагольные лексемы желания характерного ряда дистрибутивных моделей. Конечный этап исследования ориентируется на социопрагматическое обоснование лингвистических особенностей и культурно значимого содержания глагольной лексики со значением «желание» в немецком и русском языках.

Компонентный анализ показывает интегральной сему глаголов желания «желать, испытывать потребность», однако количественно и качественно ряд таких глаголов, их дифференциальные семы и семантическая близость, вследствие языковой и культурной специфики при сопоставлении языков, могут расходиться и образовывать соответственно расходящиеся по принципу лексической неоднозначности контексты. Этот принцип позволил С. Галланту [5] ввести термин «контекстный вектор», подразумевающий, по С. Галланту, множество контекстных

признаков, а по нашему мнению – интенсивность желательности осуществления действия, что в значительной или незначительной мере оказывает влияние на прагматические параметры контекстного смысла при выборе релевантного глагола в том или ином тексте.

В русском языке, например, интегральная сема «желать, испытывать потребность» присуща ряду глаголов из семи основных составляющих: *хотеть, желать, мечтать, стремиться, намереваться, жаждать, возжелеть*. Модусный компонент желания в русском языке расширяет свою парадигму за счет глаголов с менее явно выраженной семантикой желания, например, в таких глаголах, как: *мечтать, надеяться, уповать, тщиться намереваться, собираться, спешить, думать, задумать, вздумать, мыслить*, а также глаголов, имеющих оттенок стихийности желания: *времяшиться, заблагорассудиться, приспичить*.

Такой широкий ряд при общей синонимичной основе должен показывать явные/ неявные стилистические отличия либо расхождения в интенсивности, определяющей готовность субъекта желания к осуществлению желаемого. Например, устаревший для этого ряда глагол с абсолютным стилистическим значением “алкать”, а также разговорные варианты глагола желания “стремиться” – “рваться”, “стараться” и “норовить”. Последние, как видим, мотивированы в их употреблении не столько осуществлять желаемое, сколько добиваться его осуществления.

В немецком языке количество основных глаголов в этом ряду тоже семь: *wünschen, wollen, mögen, verlangen, lüsten, gelüsten, begehren*. Модусный компонент «желательности» в немецком языке способен к расширению за счет разговорных вариантов *brennen, ersehnen, erstreben, gieren* и за счет опативной семантики синтагматического характера, как то: *(keine) Lust zu ... haben; Ohne meinen Willen; fühlte sein Herz pochen vor ... rätselhaftem Verlangen; auf den Vollzug seines Willens bedacht sein; eigene Wünsche; das Verlangen nach ... stillen* и др.

Что касается грамматической формы выражения желания с помощью глаголов, то бросается в глаза предпочтение претеритальных и презентных форм. «Культурные» предпочтения в немецком языке выражаются в преобладании презентных форм в прямой и косвенной речи персонажей и претеритальных форм в повествовательных структурах текста.

«Aber ich **will** meine Seele nicht verlieren, ich **will** sie wiederhaben» (H. Böll „Ansichten eines Clowns“)

«Sie empfand es als Beleidigung, dass ich, um sie zu behalten, sogar katholisch werden **wollte**». (там же)

В русском языке нет такого четкого разделения между сферами

употребления глагольных форм. Презентные и претеритальные формы возможны как в прямой речи персонажей, так и в характеризующем повествовании.

«Я четко знал, чего *хочу*». (В. Пелевин)

«Трудно спорить с целеустремленным человеком, твердо знающим, чего он *хочет*». (В. Пелевин)

«Видно было, что княгиня и не *желала* ничего более, как прижаться ко мне всею душою, обласкать меня и вполне заменить мне мать». (Ф.М. Достоевского) Однако, в прямой речи глагол «желать» имеет в претеритальной форме абсолютное стилистическое значение устаревшего оборота речи.

«– Ах, это любопытно! – сказал князь. – Вы о нем много наговорили. Сказывают, он очень занимателен. Я бы *желал* его слышать».

Существенным отличием опативных глаголов в русском языке является возможность выражения так называемого «нейтрального желания»: «Страна эта выглядела настолько гостеприимной, что *хотелось* там поселиться». Этот ряд продолжают глаголы: *желаться, влечь/ манить, думаться, мечтаться, тянуть*.

А наличие приставок у некоторых глаголов придает им временный или преходящий характер: *помечтать, захотелось, возжелать, вознамериться вздуматься, загореться и др.*

«Мне *захотелось* побыть одному, и я ушел к себе». (В. Пелевин)

«Я *захотел* отвернуться от открывшейся мне бездны... (В. Пелевин)

Глаголы желания просто созданы для применения их в художественном тексте, поскольку ориентированы на сферу, присущую исключительно внутреннему миру человека. Об этом свидетельствует факт фиксации употребления глаголов желания в разговорной речи или ее варианте – пересказанной речи. «Говоря это, я глядела всем в глаза, но бог знает, как бы *желала* быть в своей комнате в ту минуту и затаиться от всех». «В этот раз почти слезы выступили на глазах ее, но она смолчала и только так посмотрела на меня, как будто *желала* сжечь меня взглядом». (Ф.М. Достоевский)

Способность выражать внутренний мир человека делает употребление опативных глаголов пригодным и в сфере публицистики, где имеет место индивидуальность восприятия актуальных общественных событий. Компонентный анализ употребления глаголов желания в газетном и журнальном дискурсе показал, однако, неожиданные закономерности применения опативных глаголов. (Все немецкие примеры взяты с сайта корпусных исследований лейпцигского университета)

„Diesmal **wollen** wir auch die Schüler der Gymnasien schon in der 8. Klasse für die Teilnahme gewinnen.

Dies sei ungefähr so, wie wenn der Bundeskanzler ankündige die Steuerquote bis 2010 auf 40 Prozent senken zu **wollen**, und heraus komme dabei die höchste Steuer und Abgabenquote.

Einen besseren Staat als Israel koennen sich die Palestinenenser gar nicht **wuenschen**.

Глаголы желания теряют личностный модус, сопровождают множественного или общественного субъекта или употребляются преимущественно в форме инфинитива в инфинитивных группах или вторым глаголом сложного сказуемого. Глагол *mögen* полностью теряет модальность желания, а глагол *begehren* сохраняет ее только в субстантивированной форме: Die Sondersitzung des Menschenrechtsrats zu Sri Lanka war auf **Begehren** Deutschlands zustande gekommen.

В русскоязычной публицистике глаголы желания также отказываются от личностной семантики и применяются в большинстве случаев в устойчивых и клишированных структурах: *оставляет желать лучшего; чего еще желать?; чего еще можно хотеть?; нужно стремиться; будут больше стремиться; пока вы будете намереваться; можно мечтать о...; не мог/ не смел и мечтать о...; ...чтобы мечтать о...; жаждать мести/ справедливости/ побед/ власти/ личного богатства*. Глагол желания *вожделеть* редко встречается в художественном тексте, однако там он обретает грамматическое выражение личностной формы, а в публицистике он применяется в уже стертой форме, присущей нормативным заключениям: *Это также недопустимо, как вожделеть к чужим деньгам вообще*. (Примеры взяты из Национального корпуса русского языка)

Выводами по актуальной семантике и особенностям употребления глаголов желания могут быть следующие:

1. Синонимичный ряд глаголов желания, как в русском, так и в немецком языках, имеет расширение за счет более/ менее явно выраженной семантики желания, что некоторые авторы называют «волевым признаком», свидетельствующим об активности субъекта желания в его реализации. Ряд оптативных глаголов в русском языке шире, чем в немецком.

2. Данные статистических подсчетов подтверждают частотное употребление первых двух глаголов, как в немецком, так и в русском глагольных рядах (*хотеть/ желать; wollen/ wünschen*).

3. В художественных текстах не обнаруживается предпочтение одному глаголу желания. Их разнообразие в художественных текстах или накопление через повторение служит маркером жизненной активности персонажа.

4. Применение глаголов желания за пределами художественных текстов исключает личностный модус и делает акцент на общепринятых нормах поведения/ отношения к чему-либо.

Для художественного текста, языковое своеобразие которого имеет прагмалингвистическое обоснование, выбор того или иного глагола желания из ряда конкурирующих, способного «реализовать необходимую ситуацию» [2: 61], а точнее, необходимость специфицировать то или иное модальное значение высказывания, служит коммуникативным дозатором волевого усилия субъекта желания.

Библиографический список

1. Алтабаева Е.В. Оптативные предложения в современном русском языке: учеб. пособие. Мичуринск, 2003. 164 с.
2. Белова В.Ф. Прагмалингвистическая характеристика языкового своеобразия художественного текста / В сб.: Прагмалингвистика и практика речевого общения. Материалы III Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2009. С. 60-64.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I-XII. 780 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Шмелев А.Д., Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Константы и переменные русской языковой концептуализации мира // Вестник РГНФ. 2004. № 4. С. 74-81.
6. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EE%F2%E5%F2%FC&mode=paper.
7. Сайт корпусной лингвистики Лейпцигского университета. Режим доступа: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de/>.